

Матвеева Н.П.^а, Проконова М.М.^а, Овчинников И.Ю.^б

^а ТюмГУ, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003

^б ИГМ им. В.С. Соболева СО РАН, просп. Акад. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru (Матвеева Н.П.); m.m.prokonova@utmn.ru (Проконова М.М.);
ivovchinnkov@igm.nsc.ru (Овчинников И.Ю.)

О РАЗВИТИИ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИТОБОЛЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА УСТЮГ-1)

Статья посвящена характеристике погребальных традиций населения саргатской культуры по материалам могильника Устюг-1, где было исследовано 6 курганов раннего железного века. Ранний этап (курганы 5, 51 и 52) отражает миграцию части саргатского населения из восточного ареала на территорию Притоболья и его дальнейшую трансформацию под влиянием местных и кочевых групп. На следующем этапе (курганы 27 и 49) усиливаются контакты с кочевниками сарматского круга, а также прослеживается милитаризация жизни. В позднее время (курган 56) происходит усиление социальной стратификации саргатского общества.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Притоболье, ранний железный век, саргатская культура, погребальный обряд, захоронение с конем.

Введение

Саргатская культура в течение почти тысячелетнего периода существования занимала доминирующую позицию среди культур раннего железного века на обширной территории лесостепной полосы Западной Сибири. К настоящему времени раскопано около сотни саргатских курганов во всех ареалах культуры, что дало возможность охарактеризовать динамику погребального обряда, выявить наличие разных социальных слоев, наметить локальное своеобразие культуры на конкретных территориях [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 1993, 1994, 2000]. Среди исследованных памятников преобладают элитные курганные захоронения, а погребения рядового населения остаются мало изученными. В связи с этим была даже высказана гипотеза о грунтовом характере последних и об избирательном принципе формирования курганных некрополей [Ковригин, Ражев, 1997]. Исследование относительно малых курганов разных хронологических периодов развития саргатской культуры способно пролить свет на условия ее развития, состав и статус отдельных групп населения, а также особенности культурных связей. Сравнение разных периодов функционирования некрополя в рамках одной культуры и микрорайона позволит выявить как отличительные, так и типичные черты единичного комплекса в общем культурном контексте раннего железного века на территории лесостепи.

Объекты исследования

Могильник Устюг-1 предоставляет репрезентативную информацию о нескольких эпохах, в течение которых зауральские группы населения использовали данный участок в качестве мемориального комплекса. Он был открыт в 1981 г. И.В. Жилиной [Матвеев и др., 1995, с. 49], насчитавшей 60 насыпей. В ходе полевых исследований 2009–2012, 2019 гг. было раскопано 27 курганов в разных частях некрополя с захоронениями эпохи Великого переселения народов и саргатской культуры раннего железного века. Насыпи включали переотложенные вещи с сезонных поселений, располагавшихся здесь в каменном, бронзовом и раннем железном веках. Средневековые материалы из могильника были опубликованы [Матвеева, 2016], а комплексы раннего железного века до сих пор не получили надлежащего освещения.

Могильник Устюг-1 расположен на левом берегу р. Тобол близ г. Заводоуковска, в 3 км к северо-востоку от д. Старо-Лыбаево, на останце коренного берега, на мысу, окруженном старицами (рис. 1). Курганы локализируются четырьмя группами и девятью цепочками вдоль края террасы на луговине, частично заходя в лес. Диаметр насыпей надмогильных сооружений колеблется от 6 до 15 м, высота — от 0,3 до 1,5 м. Все они имеют по 1–2 грабительские ямы в центре, хорошо задернованы, частично поросли соснами и березами. К саргатской культуре относятся шесть объектов: курганы № 5, 27, 49, 51, 52 и 56.

О развитии саргатской культуры в Притоболье...

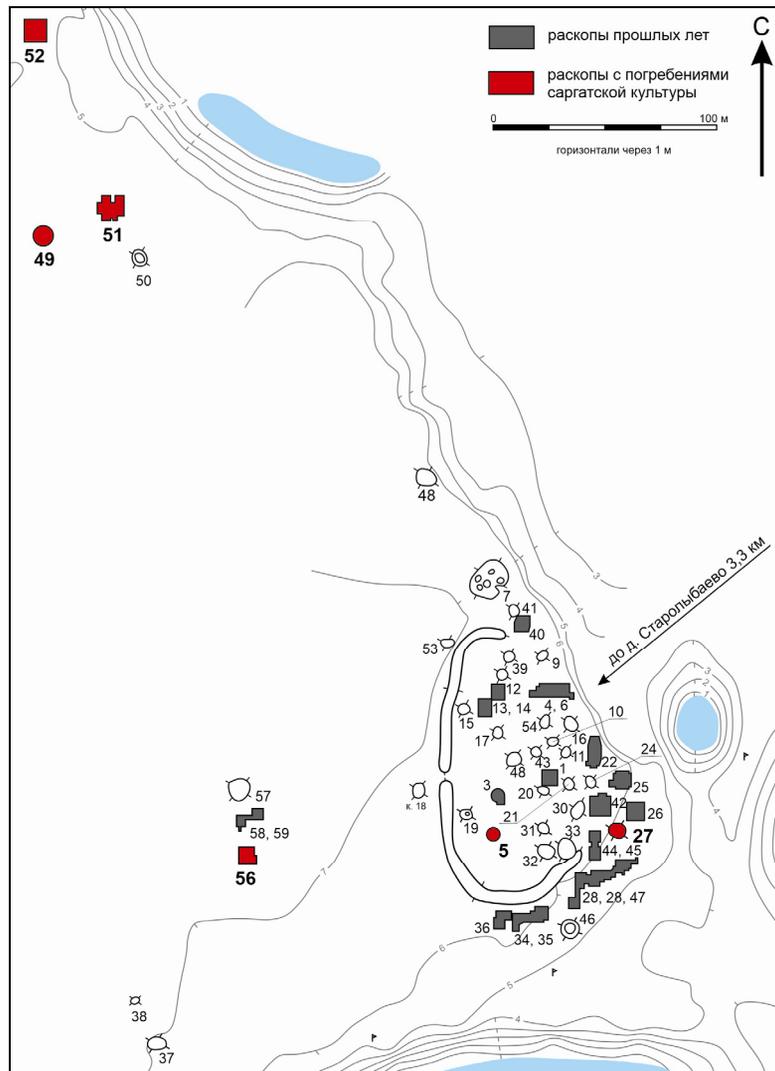

Рис. 1. Расположение погребений саргатской культуры на площади курганного могильника Устюг-1.
Fig. 1. Location of Sargatka culture's burials on the area of the Ustyug-1 burial ground.

Курган 5, диаметром 7 м и высотой 0,5 м, находился в центре мыса.

Погребение 1 (рис. 2, 4) было расположено в центре курганной площадки в яме с отвесными стенками размерами 2,7×1,9 м и глубиной 0,5 м от уровня материка, ориентированной по линии С–Ю. Могила ограблена.

В погребении находилось три индивида. От скелета, расположенного в западной половине могилы (индивид 1), сохранились только семь моляров и фрагмент височной кости. Они принадлежали человеку старше 17–18 лет¹. В изголовье были помещены кости лошади и три мелкие светло-зеленые бусины (рис. 2, 5). Видимо, посередине туловища располагался трехгранный втульчатый наконечник стрелы из бронзы (рис. 2, 11). В ногах покойника был поставлен небольшой сосуд с орнаментом из резных фестонов (рис. 2, 21), вплотную к которому лежал круглый в сечении железный стержень, вероятно остаток удила (рис. 2, 17). Скелет в восточной половине могилы (индивид 2) принадлежал невысокому мужчине 25–30 лет. Покойник был уложен вытянуто на спине, головой на север. Уцелели только некоторые крупные кости черепа, рук, ног и ребер. Между индивидом 1 и индивидом 2 был положен крупный железный нож (рис. 2, 18). От третьего скелета (индивид 3), расположенного в восточной части могилы, сохранились фрагменты височной кости, нижней челюсти и зубы, они принадлежали ребенку примерно 10 лет. Вещей обнаружено не было.

¹ Палеоантропологические определения материалов из курганов 5, 27 и 49 выполнены О.Е. Пошехоновой (ТюмНЦ СО РАН), за что авторы приносят ей благодарность.

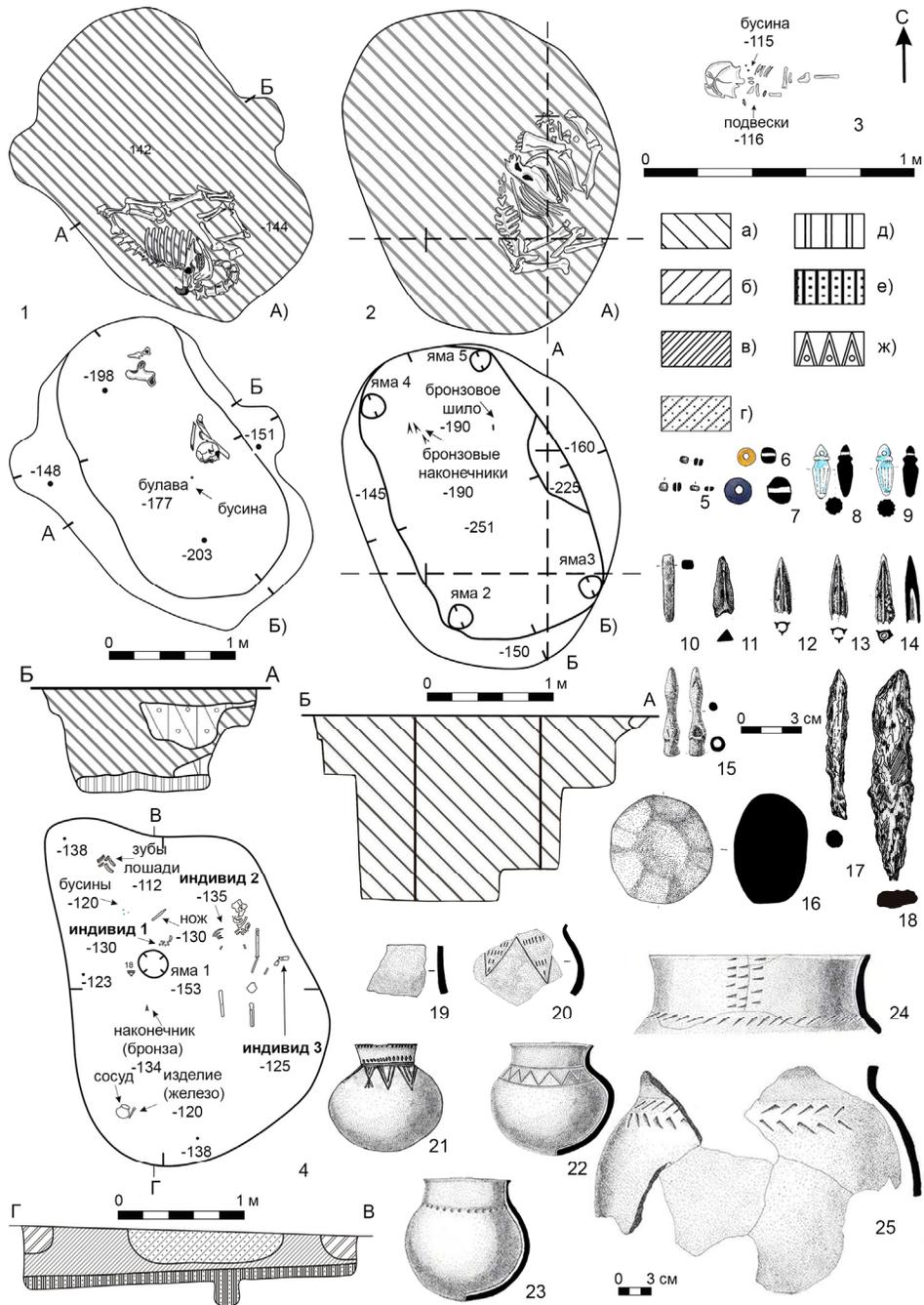

Рис. 2. Планы и разрезы ранних погребений могильника Устюг-1: погребение 1 кургана 5 (4), погребения 1 (3) и 2 (1А, Б) кургана 51, погребение 1 кургана 52 (2А, Б) и инвентарь из них (5–25): 5–7 — стекло, 8, 9 — египетский фаянс, 10–15 — бронза, 16 — камень, 17, 18 — железо, 19–25 — глина. Условные обозначения: а, б — темно-серый, в — темно-коричневый, г — желтый мешаный, д — светло-серый, е — коричневый мешаный, ж — светло-коричневый мешаный.

Fig. 2. Plans and stratigraphic sections of early burials of the Ustyug-1 burial ground: burial 1 of mound 5 (4), burial 1 (3) and 2 (1A, B) of mound 51, burial 1 of mound 52 (2A, B) and inventory from them (5–25): 5–7 — glass, 8, 9 — Egyptian faience, 10–15 — bronze, 16 — stone, 17, 18 — iron, 19–25 — clay. Legend: a, б — dark gray, в — dark brown, г — yellow mixed, д — light gray, е — brown mixed, ж — light brown mixed.

Датировать погребение можем по бронзовому наконечнику стрелы и бусам. Втульчатый трехлопастной наконечник длиной 3 см со сводчатой головкой (рис. 2, 11) по классификации К.Ф. Смирнова относится к типам VI А–Б, которые широко представлены в савроматских памятниках VI–IV вв. до н.э. [1961, с. 46–47, табл. II]. Согласно классификации наконечников стрел с

О развитии саргатской культуры в Притоболье...

иткульских поселений, подобные экземпляры бытовали в пределах VII–III вв. до н.э. [Бельтикова, 1982, с. 69, рис. 1, 29–31], они характерны для ранних саргатских памятников V–III вв. до н.э. Бусы диаметром 4 мм, высотой 2–3 мм (рис. 2, 5) находят аналоги в погребениях IV в. н.э. Бирского могильника [Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 19, 20] и указывают на раннее средневековье.

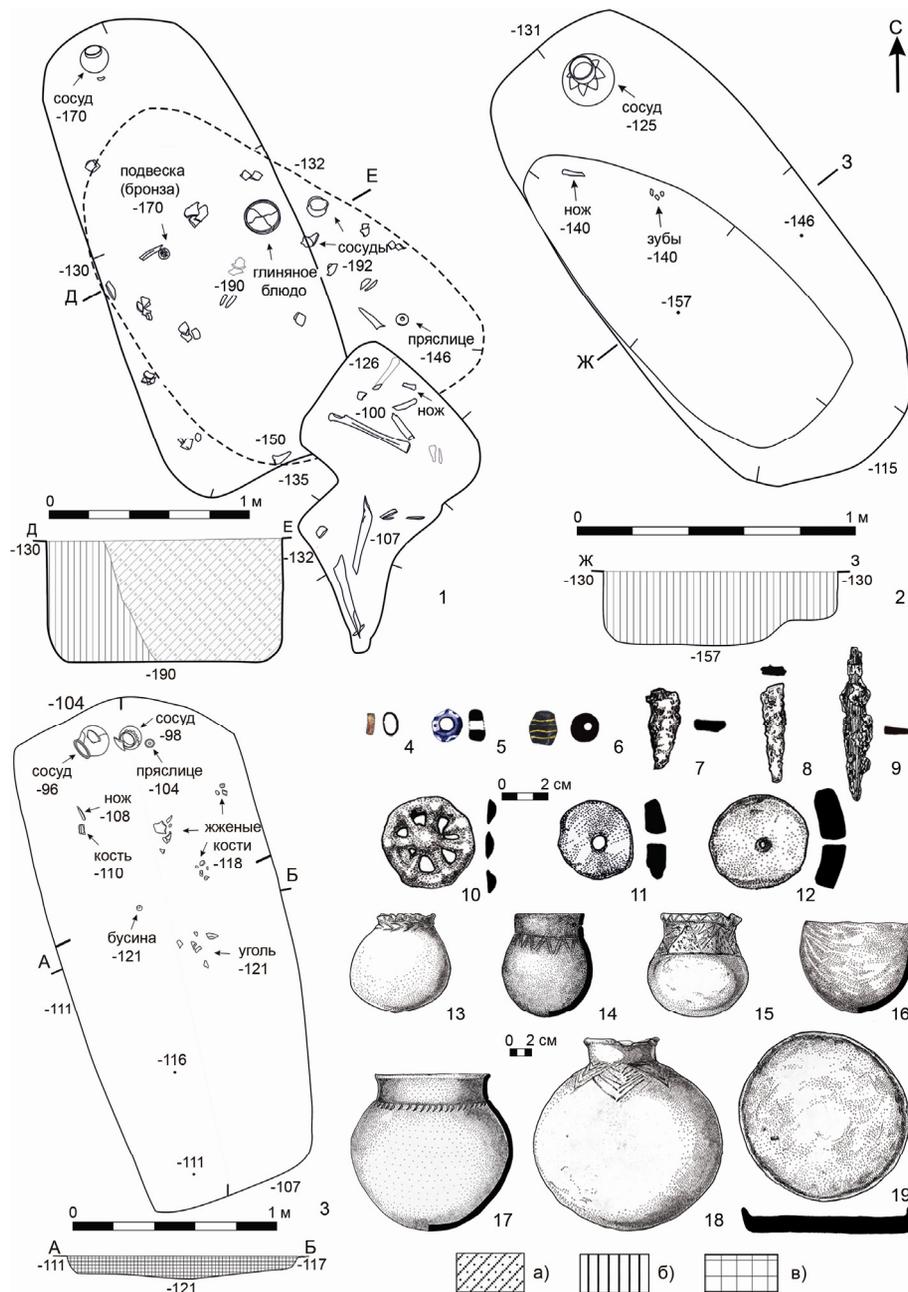

Рис. 3. Планы и разрезы погребений среднесаргатского времени могильника Устюг-1: погребение 1 кургана 27 (3), погребения 2 (1) и 5 (2) кургана 49 и инвентарь из них (4–19). 4, 10 — бронза, 5, 6 — стекло, 7–9 — железо, 11–19 — глина. Условные обозначения: а — темно-серый мешаный, б — коричневый, в — почти черный.

Fig. 3. Plans and stratigraphic sections of burials of the middle stage of the Ustyug-1 burial ground: burial 1 of mound 27 (3), burials 2 (1) and 5 (2) of mound 49 and inventory from them (4–19). 4, 10 — bronze, 5, 6 — glass, 7–9 — iron, 11–19 — clay. Legend: a — dark gray, b — brown, c — almost black.

Таким образом, погребение 1 в кургане 5 содержало разновременный инвентарь. Вероятно, средневековое парное захоронение было впущено в центр низкого саргатского кургана V–III вв. до н.э. с захоронением индивида 1, от которого сохранилась часть вещей и костей.

Курган 27, диаметром 7,3–8 м, высотой 0,5 м, расположен на самой оконечности мыса в ЮВ его части. Смещенное к северу от центра погребение 1, над которым был насыпан курган, обнаружено по черному с углем заполнению. Над ним были найдены вещи, выброшенные грабителями из могилы: синяя глазчатая бусина (рис. 3, 5) и бронзовая поясная обойма (рис. 3, 4). Яма (рис. 3, 3) размерами 2,58×1,25 м, глубиной 0,12 м от уровня материка имела прямоугольную форму с расширенным головным концом и была ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Могила ограблена, кости скелета не сохранились. В северном конце ямы у стенки были обнаружены два орнаментированных сосуда саргатской культуры: миниатюрный горшок с фестонным орнаментом вдоль плечика (рис. 3, 14) и горшок побольше с узором в виде насечек по плечу (рис. 3, 17). Рядом с сосудами лежало керамическое пряслице с примесью талька (рис. 3, 11). Кроме того, в головном конце был найден коррозированный остаток железного ножа (рис. 3, 9). В центре могилы зафиксированы жженые кости, уголь и крупная бочковидная бусина (рис. 3, 6).

Биконическая черная бусина на керамической основе со спирально навитыми коричневыми полосками (рис. 3, 6) относится, по Е.М. Алексеевой, к недатированному типу 208, однако экземпляр из Устюга-1 также имеет сходство с типом 203, который относится к III–II вв. до н.э. [1978, с. 44, табл. 28, 8, 15]. Бочковидная поперечно сжатая бусина на керамической основе из темно-синего стекла с шестью глазками в белых ободках диаметром 13 мм, высотой 8 мм (рис. 3, 5) относится к типу 54 и датируется в рамках IV–III вв. до н.э. [Алексеева, 1975, с. 64, табл. 15, 7]. Таким образом, эти вещи сосуществуют в III–II вв. до н.э.

Курган 49, диаметром 10 м, высотой 0,78 м, располагался в северной оконечности памятника, в лесу, на повороте края террасы у другой старицы р. Тобол. В середине насыпи находилась задернованная грабительская яма диаметром около 2,5 м, глубиной 0,5 м. Под курганом оказались наземное жилище байтовской культуры и пять погребений. Погребения 2 и 5 оказались саргатскими.

Погребение 2 (рис. 3, 1) обнаружилось в центре кургана как грабительский вкоп с выброшенными костями скелета, скученными в его юго-восточном конце. Размеры могильной ямы, ориентированной по линии СЗ–ЮВ, составляли 2,20×0,95 м, глубина — 0,51 м от уровня материка в изголовье, 0,60 м — в ногах. Первоначально могила имела прямоугольную со скругленными углами форму, но из-за подкопа с юго-востока бугровщиков ножной конец оказался расширенным. Вместе с костями скелета в выбросе был обнаружен обломок коррозированного железного изделия, вероятно ножа (рис. 3, 7). В заполнении могилы на разных уровнях были найдены ребра, фрагменты костей ног и рук, кости крышки черепа от скелета женщины 30–35 лет и фрагменты керамики.

По центральной оси ямы в изголовье был поставлен маленький сосуд с резным узором по шейке и плечикам (рис. 3, 15). У середины восточной стенки лежало расколотое плоское глиняное блюдо с бортиком (рис. 3, 19), рядом с которым были найдены разбитая миска без орнамента (рис. 3, 16) и целый сосуд, декорированный горизонтальной елочкой по шейке (рис. 3, 13). Посередине могильной ямы обнаружена бронзовая колесовидная подвеска (рис. 3, 10). В юго-восточном конце могилы находилось пряслице, выточенное из заталькованной стенки сосуда гороховской культуры (рис. 3, 12), вероятно, попавшее в могилу из культурного слоя поселения.

Погребение 5 (рис. 3, 2) располагалось параллельно центральному захоронению 2, к западу от него. Могильная яма овальной формы с отвесными стенками имела размеры 1,95×0,96 м, глубину 0,15 м от уровня материка и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Яма была перекрыта выбросом из центральной могилы, т.е. вырыта до нее. При ограблении оказалась испорчена только половина погребения, головной конец остался нетронутым. В нем сохранился саргатский сосуд, орнаментированный резными фестонами (рис. 3, 18), южнее которого был обнаружен коррозированный железный нож (рис. 3, 8).

Глиняное блюдо (рис. 3, 19) находит аналоги в раннесарматских памятниках прохоровской культуры III–II вв. до н.э. [Мошкова, 1963, табл. 11, 22], для савроматских захоронений V–IV вв. до н.э. характерны блюда таких же размеров, но каменные [Смирнов, 1964, рис. 34, 1г; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 30, 34, 35; рис. 75, 15]. В саргатской культуре глиняные блюда бытовали в течение всего времени ее существования [Полосьмак, 1987, рис. 42, 43]. Колесовидная подвеска одностороннего литья (рис. 3, 10) имеет аналоги в скифских и сарматских комплексах IV–I вв. до н.э. [Петренко, 1978, с. 39, табл. 27, 41, 44]. Известны такие подвески и в савроматских комплексах Поволжья и Южного Приуралья V — начала IV в. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 14, 20, 25, 26; табл. 25, 21–23], на памятниках иткульской культуры [Бельтикова, 1986, с. 73, рис. 5, 20, 22] конца V — начала IV в. до н.э. Таким образом, саргатские захоронения в данном кургане следует относить к III–II вв. до н.э.

О развитии саргатской культуры в Притоболье...

Курган 51, диаметром 12 м, высотой 0,5 м, располагался в удаленной северной части могильника на краю смешанного леса, рядом с курганом 49. В центре кургана имелась задернованная крупная грабительская яма. Под насыпью оказалось два погребения.

Впускное погребение 1 (рис. 2, 3) располагалось в юго-западном секторе кургана 51. Контуры могилы и выбросы от нее выше не фиксировались. Захоронение было расположено на древней поверхности и представлено скоплением фрагментов черепа, позвонков и длинных костей скелета, ориентированного по линии З–В, принадлежало ребенку 1,5–2,5 года². Под скелетом найдены позолоченная стеклянная бусина (рис. 2, 6) и две подвески из египетского фаянса (рис. 2, 8, 9). Северо-западнее погребения 1 в насыпи были найдены два горшка: один орнаментирован по основанию шейки горизонтальной елочкой (рис. 2, 25), другой — по шейке столбиками из вертикальных рядов насечек клиновидной формы и наклонными насечками (рис. 2, 24).

Погребение 2 (рис. 2, 1) находилось в яме прямоугольной формы размерами 2,2×1,6 м в центре подкурганной площадки. Ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Над могилкой в ее южном конце были размещены кости теленка (рис. 2, 1А). Вероятно, его туша была уложена на перекрытие над погребением так, что голова была закинута на туловище, к которому были близко прижаты конечности. При выборке заполнения почти сразу яма сузилась и обозначились ступеньки с трех сторон шириной от 0,15 до 0,3 м. В могиле на разных уровнях в разрозненном виде обнаружены целый череп без нижней челюсти, правая тазовая кость, фрагменты позвонков и бедренных костей от скелета женщины 20–30 лет. Могильная яма имела отвесные стенки, размеры по дну составили 2,25×1,25 м, глубина — 0,7 м от материка. Вокруг нее фиксировался уступ шириной до 0,5 м, вероятно, для упора бревен деревянного перекрытия, на которое было положено животное. В погребении были найдены несколько крупных обломков саргатского сосуда и округлый каменный предмет, возможно заготовка для булавы (рис. 2, 16), а также синяя стеклянная бусина шаровидной формы (рис. 2, 7). Восточнее погребения 2 располагался целый сосуд (рис. 2, 23) с поясом круглых вдавлений по основанию шейки.

Детское впускное погребение 1 по подвескам в виде амфорок с петелькой для подвешивания из египетского фаянса голубого цвета с поперечным округло-ребристым сечением, диаметром 0,9 см, длиной 2,6 см (рис. 2, 8, 9) относим к I–II вв. н.э., поскольку они аналогичны типу 82 по Е.М. Алексеевой [1975, табл. 11, 42]. Интервал бытования бочковидных стеклянных с позолотой бус размерами 0,7×0,8×0,2 см (рис. 2, 6) — IV–I вв. до н.э., но они встречаются и в первые века н.э. [Алексеева, 1978, с. 29, табл. 26, 2, 4]. Дату центрального погребения 2 по округлой бусине из темно-синего стекла (рис. 2, 7) размерами 0,7×0,6×0,2 см определяем в таких же широких рамках [Там же, с. 64, табл. 33, 2, 3], но ближе к ранней границе.

Курган 52, диаметром 10 м, высотой 0,7 м, располагался к северо-западу от кургана 51, ограблен, одна из ям — относительно недавняя, не задернованная. Под насыпью находилось одно погребение.

Погребение 1 (рис. 2, 2) с захоронением лошади. К северо-востоку от могильной ямы было расчищено захоронение коня (рис. 2, 2А), которое находилось на 40 см выше материка, несколько выше погребенной почвы, возможно, на настиле. Над скелетом коня были обнаружены остатки пищи в виде скопления обожженных мелко раздробленных костей. Западнее могилы был поставлен сосуд (рис. 2, 22). После снятия скелета коня зафиксирована центральная могила овальной формы размерами 2,75×2,2 м с расширенным северным концом, ориентированная по линии ССЗ–ЮЮВ. С самого верха начали встречаться кости человека — найдены фрагменты черепа, локтевая кость и шейные позвонки взрослого мужчины, свидетельствующие об ограблении могилы.

При выборке заполнения могилы на глубине 40 см от материка обнаружены куски бревен шириной 10–12 см, длиной 15–20 см у краев ямы, вероятно оставшиеся от перекрытия. На этом же уровне выявлены ступеньки шириной 20 см вдоль длинных стен, придавшие яме прямоугольную форму. Здесь же были найдены кости рук и ног того же индивида, положение которых было нарушено грабителями. В головном конце встречены четыре втульчатых бронзовых наконечника стрел (рис. 2, 12–15), бронзовое шило (рис. 2, 10), обломки стенок и горловин сосудов (рис. 2, 19, 20).

После выборки яма имела слегка наклонные стенки и ровное дно. Ко дну она сузилась до размеров 2,1×1 м. По углам на дне погребальной камеры расположены четыре ямки от вертикальных столбов диаметром 15–20 см, глубиной 15–18 см. Находок в ямках не было. Общая глубина могильной ямы составляет 1,3 м от уровня материка.

² Здесь и далее — определения А.В. Слепцовой (ТюмНЦ СО РАН).

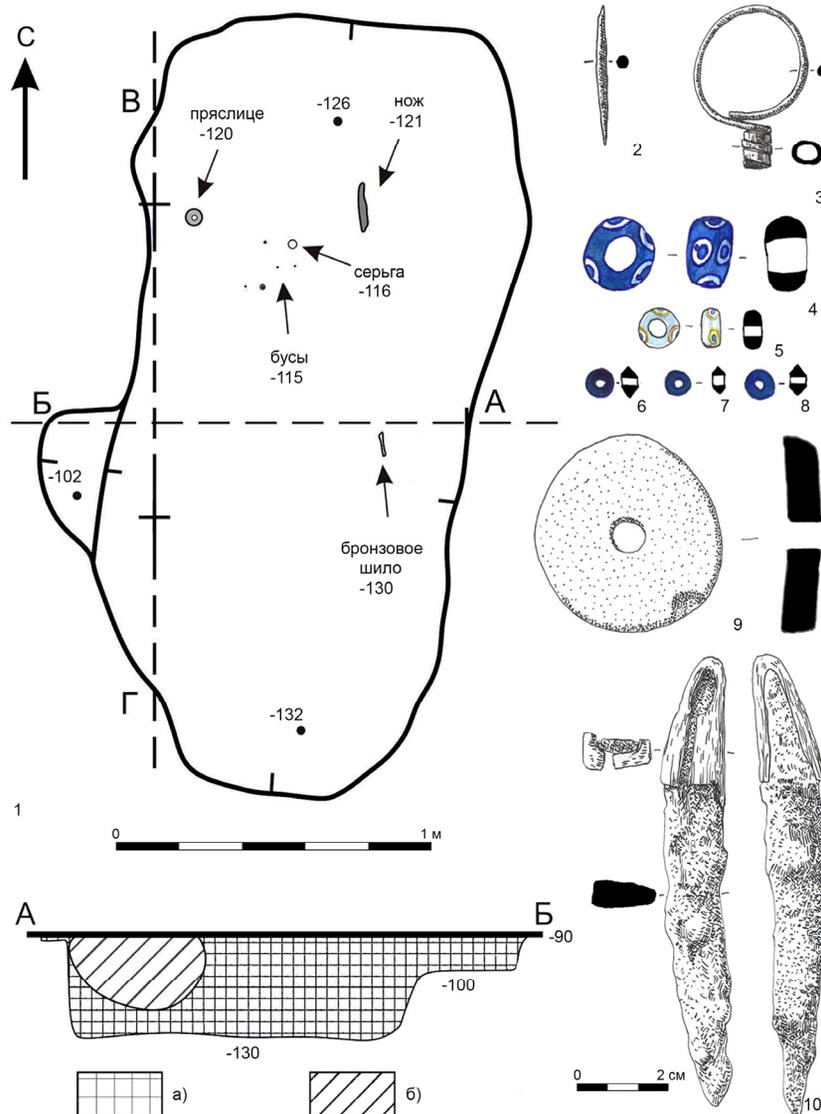

Рис. 4. План и разрез позднего погребения 1 кургана 56 (1) и инвентарь из него (2–10):
 2, 3 — бронза, 4–8 — стекло, 9 — глина, 10 — железо. Условные обозначения: а — почти черный, б — коричневый.
 Fig. 4. Plan and stratigraphic section of the late burial 1 of mound 56 (1) and its inventory (2–10):
 2, 3 — bronze, 4–8 — glass, 9 — clay, 10 — iron. Legend: a — almost black; б — brown.

Курган 52 по обряду тяготеет к одномогильным сооружениям начала саргатской культуры [Могильников, 1992, с. 311]. Наконечники, аналогичные втульчатым трехгранным бронзовым наконечникам с ложками вдоль граней и опущенными ниже втулки шипами (рис. 2, 12–14) размерами 3,5×1 см, 3,6×0,9 см и 3,9×0,8 см со сводчатой и треугольной головками, появляются в VI в. до н.э. и бытуют вплоть до IV в. до н.э., позднее встречаются экземпляры значительно меньших размеров [Смирнов, 1961, с. 50–51]. Наконечник копьевидной формы с выступающей втулкой, с коротким трехгранным бойком и со слегка сужающейся посередине длины головкой (рис. 2, 15) длиной 4,5 см по пропорциям находит аналог в Блюменфельдском кургане [Там же, рис. 16, б-71], но у того предмета ровное перо. У несколько меньшего по размерам наконечника из Соболевского кургана [Там же, рис. 19, б-53] имеется сужающееся посередине перо, но нет уступа при переходе к втулке. По мнению К.Ф. Смирнова, стрелы с непрофилированной трехгранной головкой и длинной втулкой характерны для VI–V вв. до н.э. Горшку с гребенчатым штампом (рис. 2, 22) аналоги находим не саргатские, а байтовские [Цембалюк, 2017, рис. 49, 2; 77, 3; 80, б], что является отражением контактов с аборигенами в начальный период появления саргатских групп.

О развитии саргатской культуры в Притоболье...

Радиоуглеродный анализ двух проб древесины (СОАН-9820, 9821) от перекрытия могильной ямы, проведенный в Институте геологии и минералогии СО РАН (лаборатория геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата), дал интервал VIII–V вв. до н.э. (рис. 5, а, б). Принимая во внимание отсутствие наружных колец прироста на истлевшей древесине, датировку инвентаря и облик керамики, время совершения захоронения определяем V в. до н.э.

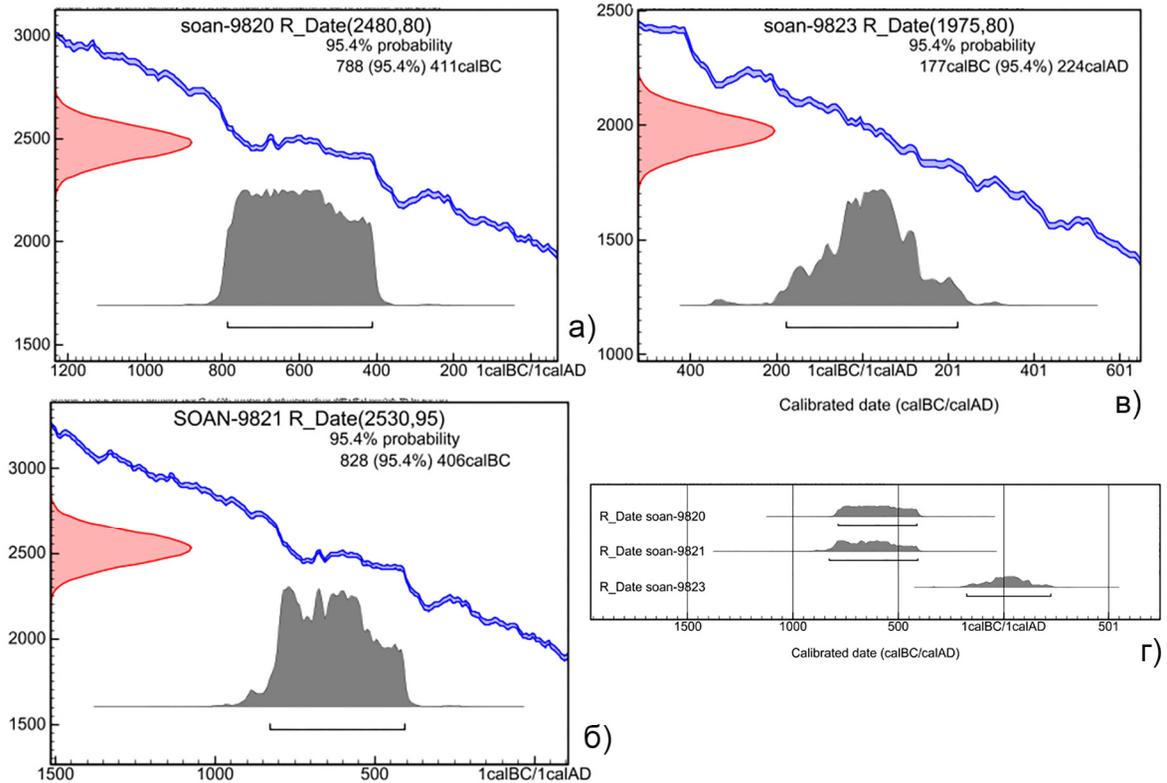

Рис. 5. Калиброванные значения дат древесины из курганов 52 (а, б) и 56 (в) могильника Устюг-1 и совмещенный график всех дат (г). Программа OxCal.13.

Fig. 5. Calibrated data of wool from kurgans 52 and 56 of the Ustyug-1 burial ground and combined schedule of all dates. Programme OxCal.13.

Курган 56, диаметром 10 м, высотой 0,38–0,42 м, находился в западной части могильника, в 130 м западнее вала городища Устюг-2. На поверхности по центру насыпи читалась округлая грабительская яма диаметром 1,5 м. Курган был сооружен на остатках наземной жилой конструкции ташковской культуры периода доандроновской бронзы.

Погребение 1 (рис. 4, 1) находилось в яме прямоугольной формы размерами 2,5×1,15 м, глубиной 0,13 м в центральной части кургана. Яма ориентирована по линии С–Ю, стенки ее наклонные. В западной стенке фиксировался скругленный выступ размерами 0,35×0,3 м, возможно, от бревна поперечного перекрытия. Над захоронением прослежено кострище, образовавшее над могильной ямой почти черный слой с углем (деревянное перекрытие?). На глубине около 30 см от материка в головном, северном, конце появились фрагменты раздавленного черепа человека, под которым были обнаружены стеклянные бусы (рис. 4, 4–8) и спиралевидная бронзовая серьга (рис. 4, 3). Западнее костей черепа лежало керамическое пряслице (рис. 4, 9). Между головой и восточной стенкой могилы находились остатки коррозированного железного ножа (рис. 4, 10), а по центру у восточной стенки было найдено бронзовое шило (рис. 4, 2).

Темно-синяя стеклянная цилиндрическая бусина (рис. 4, 4) с девятью плоскими синими глазками, обведенными одиночным белым кольцом, размерами 1,7×1×0,5 см может быть определена как характерная для диапазона V–II вв. до н.э. [Алексеева, 1975, с. 68, табл. 15, 11], белая цилиндрическая бусина из глухого стекла (рис. 4, 5) с тремя синими глазками в белых и янтарно-желтых узких ободках, размерами 1×0,6×0,3 см относится ко II–III вв. н.э. [Там же, с. 63, табл. 14, 15]. Биконические бусины из прозрачного грязно-синего стекла (рис. 4, 6–8) размерами

0,7×0,5×0,3, 0,6×0,5×0,2, 0,7×0,5×0,3 см синхронны предыдущей [Алексеева, 1978, с. 69, табл. 33, 28]. Находка спирально навитой височной подвески из бронзовой проволоки диаметром 2,9 см толщиной 0,15 см (рис. 4, 3) дату не корректирует, поскольку подобные подвески были широко распространены и в раннем железном веке, и в эпоху Великого переселения народов.

Радиоуглеродный анализ пробы СОАН-9823 от угля сгоревшего перекрытия дал калиброванное значение в интервале II в. до н.э. — III в. н.э. (рис. 5, в), что не противоречит типологическим данным. Следовательно, погребение 1 в кургане 56 датируем II–III вв. н.э.

Обсуждение материалов

Курганный могильник Устюг-1 следует рассматривать в кругу древностей Старо-Лыбаевского археологического микрорайона, к которому относятся и другие, исследованные ранее, некрополи саргатской культуры: Гилевский-2, Карасье-8, 9, Старо-Лыбаевский-4, 6, Щучье-1. Отметим основные черты, присущие погребальной практике населения данного микрорайона, и выделим особенности мемориального комплекса Устюг-1.

Для могильника Устюг-1, как и для других погребальных комплексов микрорайона, характерно возведение малых по высоте и диаметру курганов. Наличие многоугольных рвов в погребальных сооружениях ряда могильников (Гилевский-2 и Старо-Лыбаевский-4) позволило ранее сделать вывод об усеченно-пирамидальной форме изначальных земляных надмогильных конструкций [Матвеева и др., 2018, с. 72], однако в курганах некрополя Устюг-1 они отсутствовали. Под насыпью устраивали одно, реже — два одиночных захоронения в прямоугольных неглубоких ямах, ориентированных на север с отклонениями к западу. Это также отличает данный могильник от соседних, в курганах которых обычно устраивалось несколько погребений (Гилевский-2, Старо-Лыбаевский-4, 6), в том числе парных и коллективных (Старо-Лыбаевский-4). Практически во всех могильниках встречены детские погребения. Данные, полученные при исследовании могильника Устюг-1, служат дополнительным объяснением малого количества детских захоронений в курганах саргатской культуры. Так, помимо совершения в заполнении рвов и у кромки кургана, из-за чего они зачастую подвергались распашке и аэрации (как в некрополе Гилевский-2 [Матвеева и др., 2018, с. 71]), детские погребения могли вводиться в насыпь кургана на относительно небольшой глубине, что также способствовало их быстрому разрушению.

Набор сопроводительного инвентаря могильника Устюг-1 стандартен: в головном конце могильной ямы обычно помещали один или два сосуда, железный нож, пряслице, а иногда — кости лошади. У черепов покойников встречались головные украшения: бусы и подвески. Наконечники стрел могли находиться как в области ношения колчана, так и в изголовье умерших. Примерно такой же комплект вещей отмечается и в других могильниках микрорайона; кроме того, в могильниках Устюг-1 и Гилевский-2 были обнаружены глиняные блюда, а в Старо-Лыбаевском-6 и Щучье-1 — курительницы [Шарапова, 2001]. Как и на остальных памятниках, в некрополе Устюг-1 над могилами сохранились следы деревянных перекрытий, а также остатки тризны в виде разбитых или целых сосудов, костей животных. Также встречаются следы ритуального сожжения перекрытий. Особенностью данного погребального комплекса является захоронение целой туши копытного животного на краю перекрытия могильной ямы, в подобной форме жертвоприношение коня обнаружено в Гилевском-2 могильнике.

Таким образом, погребальный обряд данного могильника вписывается в общую картину погребальной практики саргатского населения, использовавшего данную территорию в качестве мемориального комплекса, однако не лишен своеобразия.

Первый эпизод функционирования могильника связан с периодом V–IV вв. до н.э. Интересной особенностью саргатских погребений на раннем этапе является обычай захоронения копытного животного на южном краю перекрытия могильной ямы. Захоронение лошади и предметов конского снаряжения вместе с умершим широко практиковалось кочевниками евразийских степей скифской эпохи на обширных территориях Северного Причерноморья, Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая в конце VI — III в. до н.э. В Южном Приуралье лошадь обычно располагали с южной стороны могильной ямы хозяина на уровне древнего горизонта, на краю прямоугольного деревянного перекрытия. Кони зачастую были взнузданы и положены на живот с подогнутыми ногами головой на север [Очир-Горяева, 2014, с. 45]. В комплексах майэмирской и бийкенской культур лошадей укладывали в отдельной яме головой на север или на краю каменного ящика, установленного в неглубокой яме либо на уровне древнего горизонта [Самашев и др., 2017, с. 106]. В могильнике Гилево-10, расположенном в предгорьях Алтая, зафиксирована вариация обряда в виде подхоронения лошади и сбруи в ногах человека на перекрытии по-

О развитии саргатской культуры в Притоболье...

гребальной камеры, при этом интересно, что перечень видов сопроводительного инвентаря совпадает с нашим: наконечники стрел, шилья и бусы, а также отсутствие сосудов в могильной яме [Шульга, 2016, с. 81, 83]. С тасмолинской культурой Центрального Казахстана усматриваем сходство в северных и северо-западных ориентировках умерших, а также в расположении лошадей в ногах покойных. Однако в тасмолинские погребения помещали не целых животных, а головы со шкурой [Вишневская, 1992, с. 133, табл. 51].

Вероятно, традиция захоронения на перекрытии могильной ямы туши коня приходит на территорию Притоболья с южноуральскими кочевниками, что является следствием миграций на территории Зауралья в V–IV вв. до н.э. [Корякова, 1988, с. 160]. Также возможно проникновение из других районов, например из степного Прииртышья, в результате обострения политической обстановки и возникновения неблагоприятных условий для жизнедеятельности коллективов на территории Центральной Азии [Демкин, Рысков, 1996, с. 31]. Данные процессы вызвали продвижение части степного населения в лесостепь, для которой в это время был характерен влажный и прохладный климат [Матвеева, Рябогина, 2003, с. 35].

В керамическом материале ранних курганов могильника Устюг-1 заметно влияние баитовской традиции. То же касается селища Старо-Лыбаевское-1а, где население раннего железного века проживало с VI в. до н.э. по II–V вв. н.э. На нем отмечаются следы обитания населения баитовской и затем саргатской культуры, что является характерным для памятников Притоболья и показывает динамику культурного взаимодействия [Матвеева, 2017а, с. 43]. Представляется, что ранние курганы могильника Устюг-1 отражают процесс миграции части саргатского населения из восточной части ареала на территорию Притоболья, где, в свою очередь, саргатская культура подверглась трансформации под влиянием местных групп баитовского населения, с одной стороны, и отдельных групп степных кочевников — с другой.

Следующий этап существования могильника приходится на III–II вв. до н.э. Он отражает активизировавшееся взаимодействие местного населения с кочевниками сарматского круга [Корякова, 1988; Таиров, 1995]. Так, население прохоровской культуры, сформировавшейся на Южном Урале, постепенно покидает свою территорию, а отдельные группы устремляются на восток, где, возможно, смешиваются с саргатским населением [Скрипкин, 1990, с. 200–201]. Ко всему прочему, в III–II вв. до н.э. на территории Старо-Лыбаевского археологического микрорайона появляются городища с усиленной линией обороны (Старо-Лыбаевское-1) с башнями, использовавшимися в качестве сторожевых вышек для дозорной службы и обстрела прилегающей территории [Матвеева, Алиева, 2016, с. 142], что должно говорить о повышенной военной опасности.

Заключительный эпизод функционирования могильника Устюг-1 связан со II–III вв. н.э. Количество памятников саргатской культуры этого времени меньше по сравнению с предшествующим периодом; численно преобладают они именно в Притоболье [Матвеева, 2017b]. Происходит очередная активизация сармато-саргатских контактов в связи с подвижками населения азиатских степей, вызванными завоевательными походами хунну. Примерно в указанный период был сооружен курган 3 и досыпан курган 6 могильника Гилевский-2, а также возведена усыпальница кургана 11 могильника Карасье-9. В последнем комплексе видим гунно-сарматские элементы, такие как станковые плоскодонные кувшины, наличие золотного шитья, дорогой инвентарь и искусственная деформация черепа [Ковригин и др., 2006, с. 194–197]. Данный факт наряду с другими: более значительные размеры и более высокое топографическое положение кургана на территории могильника Карасье-9 — свидетельствуют об усилении социальной стратификации саргатского общества. Если в ранних погребальных комплексах Старо-Лыбаевского археологического микрорайона проявлялась некая однородность, то в позднесаргатское время происходит довольно четкое разделение элитарного и рядового погребального обряда.

Заключение

Таким образом, захоронения в курганной группе Устюг-1 производились на протяжении всего времени бытования саргатской культуры, а анализ разных временных отрезков его функционирования в пределах микрорайона позволил проследить ряд особенностей и типичных черт комплекса в контексте исторического развития культур раннего железного века на территории лесостепи. Различие объектов разных периодов отражает этапы динамики саргатской культуры в локальном микрорайоне. Ранний этап характеризуется миграцией части саргатского населения из восточного ареала на территорию Притоболья, где саргатская культура подверглась трансформации под влиянием местных групп баитовского населения и степных кочевников. На следующем этапе усиливаются торговля и обмен с кочевниками сарматского круга, а также по-

вышается уровень милитаризации местного населения. В позднесаргатское время происходит усиление социальной стратификации саргатского общества, которая сопровождается ростом престижного потребления.

Изучение подобных памятников, существовавших на протяжении длительного времени, может способствовать пониманию процессов формирования и угасания культур.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. М.: Наука, 1975. Вып. Г1-12. Ч. 1. С. 1–94.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. М.: Наука, 1978. Вып. Г1-12. Ч. 2. С. 1–104.
- Бельтикова Г.В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 65–77.
- Бельтикова Г.В.* Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 63–79.
- Вишнеевская О.А.* Центральный Казахстан // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 130–140.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г.* Почвы и природная среда сухих степей Южного Урала в эпохи бронзы и раннего железа (II тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). Пущино: Науч. центр, 1996. 38 с.
- Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., Шарипова С.В.* Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203.
- Ковригин А.А., Ражев Д.И.* К вопросу о социальной структуре населения Зауралья в раннем железном веке // Россия и Восток: Археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омский филиал Объединенного института истории филологии и философии, 1997. С. 39–41.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: Саргатская культура. Свердловск: УрГУ, 1988. 239 с.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 162 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А.* Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 174 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2016. 263 с.
- Матвеева Н.П.* Новые комплексы раннего железного века из раскопок в Старо-Лыбаево // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017а. Вып. 9. С. 34–49.
- Матвеева Н.П.* Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // РА. 2017b. № 3. С. 3–20.
- Матвеева Н.П., Алиева Т.А.* Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура) // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 140–142.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Рябогина Н.Е., Третьяков Е.А.* Гилевский-2 курганный могильник // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2018. Вып. 10. С. 44–72.
- Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е.* Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4 (16). С. 30–35.
- Могильников В.А.* Саргатская культура // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 292–311.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // Археология СССР. САИ. М.: ИА РАН, 1963. Вып. Д1-10. С. 1–56.
- Очир-Горяева М.А.* Полные и парциальные захоронения коней в курганах скифской эпохи Южного Приуралья // Казанская наука. Казань: Казан. издат. дом, 2014. № 4. С. 45–48.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // Археология СССР. САИ. М.: Наука, 1978. Вып. Д4-5. С. 1–144.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С.* Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. // Казахстан в скифскую эпоху. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 101–157.

О развитии саргатской культуры в Притоболье...

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1990. 300 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: ИА РАН, 1961. № 101. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. М.: ИА РАН, 1963. Вып. Д1-9. 401 с.

Таиров А.Д. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до н.э. и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V. Кн. 2. С. 90–96.

Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилево-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.

Источники

Цембалюк С.И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 181 с.

Шарапова С.В. Отчет о раскопках погребального комплекса Карасье в Заводоуковском районе Тюменской области в 2000 г. Екатеринбург, 2001 // Архив ИА РАН. Р-1, № 24251.

Matveeva N.P.^a, Prokonova M.M.^a, Ovchinnikov I.Iu.^b

^a University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

^b V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Koptiuga, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru (Matveeva N.P.); m.m.prokonova@utmn.ru (Prokonova M.M.);
ivovchinnikov@igm.nsc.ru (Ovchinnikov I.Iu.)

On the development of the Sargatka Culture in the Tobol River basin region (based on materials of the Ustyug-1 burial ground)

The article is concerned with characteristics of funeral traditions of the Sargatka Culture population based on materials of the Ustyug-1 burial ground located in the Zavodoukovsky District of Tyumen Region. Six barrows of the Early Iron Age were studied in the area. Mounds 5 (5th–3rd c. BC), 51 and 52 (5th–4th c. BC) belong to the early stage of the culture. Sargatka burials of mounds 27 and 49 (3rd–2nd c. BC) were made during the middle stage. Burial from mound 56 (2nd–3rd c. AD) belongs to the final period of the Sargatka Culture of the Early Iron Age. Thus, burials in the Ustyug-1 necropolis were made during the entire time of existence of the Sargatka Culture. The comparison of different periods of functioning of the cemetery within the same culture and microregion revealed a number of characteristic features of the complex in the context of the historical development of the Early Iron Age cultures in the forest-steppe zone. Furthermore, it was possible to trace the process of formation of the culture in the Tobol River basin, the composition and status of the individual groups of the population, and the nature of cultural ties. We conclude that the variation between the objects of different periods reflects the developmental stages of the Sargatka Culture in the local microregion. In the early stage of the culture, part of its population migrated from the east into the Tobol basin region. It was transformed here under the influence of local groups of the Baitovo Culture on the one hand, and certain groups of steppe nomads on the other. The burial rite of the local population changed dramatically as a result of contacts between the bearers of the Sargatka Culture and nomadic groups. This indicates the strengthening of the Iranian worldview component in the Sargatka environment. At the next stage, the interaction of the local population with the nomads of the Sarmatian circle became more active, and the level of militarization of the local population increased. In the late period, social stratification within the Sargatka Culture society increased, which was accompanied by an increase in prestigious consumption. This was expressed in a clear separation of the elite funeral rite from the ordinary one. The study of such monuments, which existed for a long time, can help us to understand the processes of formation and extinction of cultures.

Key words: Western Siberia, Tobol basin region, Early Iron Age, Sargatka Culture, funeral rite, burials with a horse.

REFERENCES

Alekseeva E.M. (1975). Antique beads of the Northern Black Sea Coast. In: *Arkheologiya SSSR. Svod arkhologicheskikh istochnikov*, (G1-12/1). Moscow: Nauka, 1–94. (Rus.).

Alekseeva E.M. (1978). Antique beads of the Northern Black Sea Coast. In: *Arkheologiya SSSR. Svod arkhologicheskikh istochnikov*, (G1-12/2). Moscow: Nauka, 1–104. (Rus.).

Beltikova G.V. (1986). Itkul'skoe I settlement — the site of an ancient metallurgical production. In: R. Krause, L. Koryakova (Eds.). *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii*. Sverdlovsk: Izdatelstvo UrGU, 63–79. (Rus.).

Beltikova G.V. (1982). Metal arrowheads from archaeological sites of the Itkul culture. In: *Arkheologicheskie issledovaniia severa Evrazii*. Sverdlovsk: Izdatelstvo UrGU, 63–79. (Rus.).

Demkin V.A., Ryskov Ia.G. (1996). *Soils and natural environment of the dry steppes of the Southern Urals in the Bronze and Early Iron Age (II thousand BC — I thousand AD)*. Pushchino: Scientific center. (Rus.).

Kovrigin A.A., Koriakova L.N., Kurto P., Razhev D.I., Sharapova S.V. (2006). Aristocratic burials from the Karasye 9 burial ground. In: N.S. Savelev (Ed.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia*. Ufa: Gilem, 187–203. (Rus.).

Kovrigin A.A., Razhev D.I. (1997). Archaeological data on the social structure of the population of the Trans-Urals in the Early Iron Age. In: *Rossiiia i Vostok: Arkheologiiia i etnicheskaia istoriia: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rossiiia i Vostok: problemy vzaimodeistviia"*. Omsk: Omskii filial Ob"edinennogo instituta istorii filologii i filosofii, 39–21. (Rus.).

Koriakova L.N. (1988). *Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia: Sargatka culture*. Sverdlovsk: UrGU. (Rus.).

Matveev A.V., Matveeva N.P., Panfilov A.N., Buslova M.A., Zakh V.A., Mogilnikov V.A. (1995). *Archaeological heritage of the Tyumen region: Sites of the forest-steppe and subtaiga zones*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva N.P. (2000). *Socio-Economic Structure of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Subtaiga zone)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva N.P. (1994). *The Early Iron Age of the Ishim basin region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva N.P. (1993). *The Sargatka culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva N.P. (2016). *Western Siberia during the Great Migration Epoch: (Issues of cultural genesis according to the data of funerary monuments)*. Tyumen: TSU. (Rus.).

Matveeva N.P. (2017a). New complexes of the Early Iron Age from the excavations in Staro-Lybaevo. In: *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (9). Tyumen: TSU, 34–49. (Rus.).

Matveeva N.P. (2017b). Radiocarbon chronology of sites of the Sargatka culture of Western Siberia. *Rossiiskaia arkheologiiia*, (3), 3–20. (Rus.).

Matveeva N.P., Alieva T.A. (2016). The Watch-Towers of the Defensive Structures in Early Iron Age (Culture of Sargatka). *Vestnik TGU. Istoriia*, (4), 140–142. (Rus.).

Matveeva N.P., Riabogina N.E. (2003). Reconstruction of the natural conditions of the Trans-Urals in the Early Iron Age (according to palynological data). *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, (4), 30–35. (Rus.).

Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Riabogina N.E., Tretiakov E.A. (2018). Gilevsky-2 burial ground. In: *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (10). Tyumen: TSU, 44–72. (Rus.).

Mazhitov N.A. (1968). *The Bachmutino culture: Ethnic history of the population of Northern Bashkiria the middle of the First Millennium AD*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Mogilnikov V.A. (1992). The Sargatka culture. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiiia SSSR. Stepnaia polosa Aziatskoi chasti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 292–311. (Rus.).

Moshkova M.G. (1963). Monuments of the Prokhorov Culture. In: *Arkheologiiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-10). Moscow: Nauka, 1–56. (Rus.).

Ochir-Goryaeva M.A. (2014). The whole and partial accompanying horse graves of the southern Pre-Ural kurgans in Scythian epoch. In: *Kazanskaia nauka*, (2). Kazan: Kazanskii izdatel'skii dom, 245–248. (Rus.).

Petrenko V.G. (1978). Decorations of Scythia in the VII–III centuries BC. In: *Arkheologiiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D4-5). Moscow: Nauka, 1–144. (Rus.).

Polosmak N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Samashev Z., Ermolaeva A.S., Dzhumabekova G.S. (2017). Kazakh Altai in the I Millennium BC. In: A.Z. Beisenov (Ed.). *Kazakhstan in the Scythian era*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 101–157. (Rus.).

Shulga P.I. (2016). *Early Scythian time necropolis Gilyovo-10 in the Altai foothills*. Novosibirsk: NSU. (Rus.).

Skripkin A.S. (1990). *Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect*. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. (Rus.).

Smirnov K.F. (1961). The Weapons of Sauromats. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (101). Moscow: IA RAN, 1–162. (Rus.).

Smirnov K.F. (1964). *Sauromats: The Early History and Culture of the Sarmatians*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Smirnov K.F., Petrenko V.G. (1963). Sauromats of the Volga Region and Southern Urals. In: *Arkheologiiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-9). Moscow: Nauka, 1–401. (Rus.).

Tairov A.D. (1995). Historical and ecological situation in the southern Trans-Urals in the second half of the first Millennium BC and habitat of the early Sarmatians. In: *Rossiiia i Vostok: Problemy vzaimodeistviia*. Cheliabinsk: ChelGU, 90–96. (Rus.).

Vishnevskaiia O.A. (1992). Central Kazakhstan. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiiia SSSR. Stepnaia polosa Aziatskoi chasti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 130–140. (Rus.).

Матвеева Н.П., <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Проконова М.М., <https://orcid.org/0000-0003-2008-4814>

Овчинников И.Ю., <https://orcid.org/0000-0003-4947-9043>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021